

Заглавие статьи	О пользе морального измерения политической истории
Автор(ы)	Б. И. Коваль
Источник	Латинская Америка, № 2, Февраль 2009, С. 13-24
Рубрика	• ТОЧКА ЗРЕНИЯ
Место издания	Москва, Российская Федерация
Объем	39.8 Kbytes
Количество слов	5029
Постоянный адрес статьи	http://dlib.eastview.com/browse/doc/19735191

О пользе морального измерения политической истории

Автор: Б. И. Коваль

Латиноамериканские аллюзии

Считая недостаточным преобладающий в современной науке позитивистский подход, отстраненный от моральных оценок, автор предлагает новый взгляд на политическую историю, связанный с ее этическим измерением. Конечно, мораль всегда активно использовалась в качестве важнейшего идеологического и пропагандистского оружия, и все - "левые" и "правые" режимы, даже самые тоталитарные, прибегали к моральному оправданию своих деяний. Тем важнее изучать исторические явления сквозь призму общих человеческих ценностей, учитывая особенности этических систем того или иного общества. В центре внимания - две актуальные проблемы. К первой относится соотношение патриотизма и "классовых интересов". Ко второй - режим так называемого "демократического цезаризма". Взятые в совокупности, эти проблемы позволяют понять исключительную важность развития морального измерения истории. Печатается в порядке дискуссии.

Ключевые слова: мораль, этика, политика, философия истории, патриотизм, идеология, советская традиция, демократический цезаризм, партийный цезаризм, диктатура, индейская культура, Ф. Энгельс, Н. Макиавелли, С. Боливар, Тирадентис, М. Идальго, Х. Артигас, Ж. Варгас.

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

Моралист-догматик, по словам К. Маркса, апеллирует чаще всего "к простым вопросам совести и фразам о справедливости... Из области истории он убегает в область морали и здесь может пустить в ход всю тяжелую артиллерию своего нравственного негодования"¹. Что и говорить, мысль банальная, а потому правильная. Развивая тезис о конфликте морали и политики, я бы добавил, что реалист-практик обычно не склонен пещься о совести и правде, предпочитая скрываться от них в джунглях придворной суеты и показном рдении о счастье сограждан. Под надежной охраной высоких стен он усердно точит ядовитые стрелы лжи вперемешку с капканами сладких обещаний. По мне так "нравственное негодование" наивных простаков лучше фарисейства.

Борис Иосифович Коваль - доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИЛА РАН.

Особую заслугу в деле надлежащего воспитания человечества приписывают себе все мировые религии. Христианство внесло в это благородное дело большой вклад, но удовлетворилось в основном евангелизацией душ, оставляя мирян перед лицом наличного зла: вера вне политики. "Позитивная" наука в свою очередь неохотно касается духовной сферы, оставляя право "обрабатывать это поле" за писателями и учителями. Многие серьезные историки предпочитают ограничиваться беспристрастным фактопроятием или холодными рационалистическими суждениями с упором на так называемые "объективные законы". Сами же последние трактуются с позиций практической целесообразности.

Осмелимся на короткое время привлечь внимание именно к неполитическому, но этическому измерению. На мой взгляд, такой подход может помочь раскрыть ряд невидимых пружин истории, поскольку политика и мораль не уважают друг друга. Я веду речь не об абсолютном искоренении зла по типу Божественного града Августина Блаженного, но о реально достижимом уровне социальной гармонии и наименьшем зле. При всей любви к платоновскому идеализму мне ближе трезвый и эластичный подход Аристотеля к нравственности как необходимому компоненту жизненного опыта. Правда, то же самое можно сказать и о безнравственности. Это категории-близнецы.

В условиях нынешнего духовного декаданса мало утешаться "нравственными негодованиями", а, напротив, желательно активно сближать политику и мораль, пробуждать интерес к благородному мышлению и поведению, ставить в центр "простые" вопросы совести и справедливости. Под этическим измерением я подразумеваю отнюдь не выставление школьных отметок за примерное или плохое поведение, добрые или злые дела и намерения. Пусть это делают педагоги и священники. Кстати говоря, Ф. Ницше мудро предупреждал: "Остерегайтесь морально негодующих людей: им присуще жало трусливой, скрытой даже от них самих злобы"². Поучать историю действительно глупо. Скорее, она поучает нас. Для наглядности обратимся к некоторым латиноамериканским эпизодам-аллюзиям (alusion - намек). Такой прием тем хорош, что способен вразумлять не прямо, а обиняком, косвенно. Эластичное и многозначное качество намек выгодно отличается от назойливого и возбужденного морализаторства.

Я избрал только две аллюзии, смысл которых в наибольшей степени ассоциируется с актуальными сюжетами современности, в том числе и в России. Первая касается сложной субординации духа патриотизма и "классовых интересов". Вторая посвящена режиму так называемого "демократического цезаризма". Взглянем на каждую тему чуть пристальней именно с позиций "dimension etica". Статья носит постановочный характер. И это хорошо, ибо формирование гипотез есть важная и необходимая часть научной работы. Без этого невозможно структурировать мысли, искать новые решения, критически оценивать факты и мнения, избегать тягостного описательства и т.п. Одним словом, гипотеза это еще не ответ, но формулировка вопроса для будущего ответа. Не так ли? Из этих позиций мы теперь и будем исходить.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Нынешняя отечественная латиноамериканистика еще не порвала пуповины с советской традицией. Да и вряд ли стоит спешить к такой разлуке.

Нелепо в слепом раже выбрасывать на свалку накопленный опыт и дробить научное мышление на отдельные бесформенные фрагменты. К сожалению, некоторые ученые, особенно молодые и энергичные, свысока охаивают труды "предков", гордясь умением выдавать чужие, интернетовские, мнения за собственные открытия. Я, конечно, против апологии марксистской методы, но за уважительное отношение к действительным творческим достижениям. А их в советской историографии немало³.

Что касается этического фактора истории, то интерес к его анализу и прежде был у нас не велик, а сейчас заметно подавлен политологией. Философское толкование истории заключено в ложе модного цивилизационного подхода. Современному стилю мышления присущ позитивистский, логически отстраненный, т.е. immoralный, иногда даже аморальный подход. Ярким свидетельством этого поветрия может служить переоценка роли Сталина в ряде новых российских школьных учебников по отечественной истории. Подобная переориентировка происходит в Аргентине, Бразилии, Чили и ряде других латиноамериканских стран в отношении их военно-диктаторских режимов 70 - 80-х годов XX в. А с другой стороны, этот подход присущ характеристике лево-партизанских антиимпериалистических движений, которые некоторые авторы стали огульно причислять к феномену уголовного терроризма.

Формально нынешние "оценщики" исходят из принципов правды и честности, но на деле толкуют их на свой лад, легко перелицовывая зло в добро, а добро в зло. После десятилетий утопий и "альтернатив" романтического героизма создается впечатление, что наивный порыв иссяк и наступило безвременье нравственного отупения "массового человека" во всем мире. Все мы как будто бы бредем по лесным дорогам, которые вечно кончаются тупиком. Наступает момент всеобщей растерянности и пессимизма. Вот тут-то и ощущается вся необходимость силы духа, а значит, и морального возрождения. В этом я вижу определенный императив нашего времени, стимулирующий интерес к развитию этического сознания. Не вдаваясь в детальный анализ бесчисленных субъективных мнений и теорий на этот счет, я полагаю достаточным дать следующую приблизительную градацию модусных значений морали*:

- мораль как особая сфера сознания, психики, воли, практических поступков, нравов, обычаев;
- как внешняя регуляция поведения людей посредством строго фиксированных правовых норм и религиозных установлений общественного мнения;
- как светлая и чистая энергия личной нравственности в гармонии с самим собой и другими людьми, т.е. внутренние естественное самопринуждение человека и самоорганизация духа, побуждение творить добро;
- антимораль, аморализм как отрицание всякой общепризнанной морали и норм поведения, эгоистическое и агрессивное настроение, иногда ведущее к человеконенавистничеству и злодеянию;
- имморализм как неморальное состояние и действие, в одних случаях нейтральное по отношению к добру и злу, в других игнорирующее

* Модусы - различные проявления единой субстанции; впервые обоснованы Б. Спинозой (1632 - 1677) в трактате "Этика".

пользу морального ограничения ввиду ситуационной необходимости или личной и коллективной выгоды;

- морализаторство как манипуляция этическими идеями и лозунгами в целях понуждения людей к определенному поведению и подчинению чужой воле - церкви, партии, государства, вождя, родителей, учителей и др.

В ходе дальнейших рассуждений я буду использовать эти термины именно в таких смыслах, каждый из которых будет ясен по ходу изложения. Здесь еще только скажу о том, что люди свободны в выборе целей и средств своего поведения, чаще всего предпочитая действовать по собственному разумению и игнорируя внешние долженствования. Даже св. апостол Павел признавался: "умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха" (Рим. 7,25). Уж коли святой отец признает в себе такое вопиющее противоречие, то что же говорить о простом человеке, который далеко не всегда способен ходить по тому пути, по которому повелел Господь. И тем не менее каждый благородный человек во всем руководствуется принципами высокой нравственности, общими человеческими ценностями и нормами поведения. Так я понимаю концепцию И. Канта о "категорическом императиве" как внутреннем стремлении мыслящего человека к добру и истине. Социальное пространство не делится на "светлую" и "черную" сферы: это деление происходит в душе и сознании личности. Чаще всего оба полюса сталкиваются в отдельно взятом человеке. В этом и есть суть его неизбывной греховности, т.е. человечности. Иначе речь шла бы о небесных духах и ангелах.

При взгляде на некоторые сюжеты латиноамериканской истории, как и всякой другой, выявляется некий их универсальный, а не локальный смысл. В этическом плане многое из прошлого связано с настоящим и даже с будущим. Более того, многое в жизни разных народов и в разные эпохи почти фактически повторяется. Мудрый древнееврейский проповедник удивительно просто и понятно выразился по этому поводу так: "Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: "смотри вот это новое", но *это* было уже в веках, бывших прежде нас" (Эккл. 1, 9 - 10). Этические нити истории особенно прочны, время их не истончает.

ДУРМАН "КЛАССОВОЙ МОРАЛИ"

В течение десятилетий советское обществоведение исходило из марксовской концепции классовой борьбы и соответственно "классовой морали". Общие и универсальные критерии простой житейской нравственности, а тем более религиозные заповеди и рекомендации осуждались как поповские бредни и вредные происки буржуазии. По мнению Маркса и Энгельса, а затем и всех их последователей, в борьбе за революционную переделку мира "законы, мораль, религия - все это для него (пролетариата. - Б. К.) не более чем буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы"⁴. Ф. Энгельс в нервной полемике с Дюрингом дошел почти до абсурда, серьезно утверждая, что "действительно человеческая мораль" станет возможной вообще только после построения бесклассового общества, а до тех пор люди вынуждены руководствоваться каждый своими вкусами и интересами⁵. Самое печальное состояло не в защите ангельской "действительно человеческой морали", а в отрицании реального нравственного начала

побуждений и действий умерших и существующих людей. Такой "классовый" подход парадоксальным образом смахивал на церковную логику стяжания святого духа и будущее спасение, а сам человек представлялся греховной и ничтожной тварью без совести, чести и достоинства.

Метод казуистического жонглирования нравственными понятиями всегда помогал политикам всех мастей обманывать массы и внушать им собственные мысли. Не случайно, между прочим, большевики присвоили себе монополию на "Ум, Честь и Совесть" эпохи. Аргентинские перонисты гордо именовали себя борцами за "Справедливость" (justicialismo), а бразильский правитель середины XX в. Жетулио Варгас гордо именовался "отцом бедных и богатых". Рональд Рейган выступал в тоге великого защитника мира от советской "Империи зла" и т.д. Все - и "левые", и "правые" режимы, даже самые тоталитарные, прибегали к "моральному" оправданию своих преступных деяний.

Псевдоморальная демагогия всегда активно и цинично использовалась в качестве важнейшего идеологического и пропагандистского оружия. Если взглянуть на советскую латиноамериканистику, то от нее требовали именно "классового" подхода и исполнения требования В. И. Ленина изгонять из научного мышления всякую "нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия"⁶. Не буду скрывать, что и я долгие годы придерживался такого взгляда. Лишь с трудом и постепенно преодолел порочные стереотипы и стал задумываться о важности морального измерения истории. К этой теме я сейчас и перехожу.

ПЕРВАЯ АЛЛЮЗИЯ. ДУХ НАРОДНОГО ПАТРИОТИЗМА

История открытия и колонизации Латинской Америки изучена досконально, но проблемы морального содержания этого процесса раскрыты лишь в плане осуждения жестокостей конкистадоров, с одной стороны, и сочувствия страданиям индейцев и негров-рабов, с другой. Тем не менее, проблема достойна специального анализа. Ведь именно моральные факторы - ценностные ориентации, отношение к труду, личности, власти, религиозно-этические принципы, общепризнанные добродетели и порочные привычки, приверженность к обогащению или аскезе и т.д. - эти и многие другие особенности сознания, психики и поведения представителей обоих миров - и Нового, и Старого - направляли общий ход истории. В этом, строго говоря, проявлялась ведущая роль человеческого фактора. Ничто заранее не было предопределено ни Богом, ни так называемым "осевым временем", ни государствами или цивилизациями. В центре истории всегда стоял и стоит сам человек, а значит его ум, воля, чувства, духовная энергия, мораль.

Мораль древнего человека во всех частях света, в том числе и в Америке, носила прежде всего чувственный, природный, инстинктивный характер. Во многом предсознательная жизненная энергия индейской общины стихийно определяла правила субординации, характер правления, нравы быта, формы труда, правила семейной жизни и т.д. Сознание еще было прочно связано с анимизмом - одушевлением всей естественной природы, ее стихий, растительного и животного мира, с магией и идолопоклонством. Внешний и внутренний миры сливались в одно целое, образуя богатую и многообразную самобытную культуру.

Мораль европейских колонизаторов к эпохе великих географических открытий, если прибегнуть для ясности к некоторому упрощению, строилась на иных принципах. Первый сводился к формальному признанию христианских духовно-этических предписаний в их католической "упаковке". Второй в корне противостоял "высокой морали" Евангелия и преследовал сугубо эгоистические и корыстные цели личного обогащения и властолюбия. Фактически это была некая изнанка морали, противоположная лицевой стороне. Такое сочетание несочетаемого легко победило наивное (еще одно сознательное упрощение) нравственное чувство аборигенов. Было бы ошибкой идеализировать образ жизни древних индейцев. Бесконечные племенные войны, жестокое обращение с пленными, человеческие жертвоприношения и прочие аморальные с позиций сегодняшнего дня традиции никак нельзя игнорировать. И тем не менее в наиболее развитых индейских цивилизациях накануне колонизации сложились устойчивые и солидарные взгляды на жизнь и мировоззрение, свои религиозные и моральные правила коллективного общежития. Об этом весьма подробно писали отечественные ученые В. А. Кузьмищев, Ю. А. Зубрицкий, М. С. Альперович, Я. Г. Шемякин, И. К. Самаркина, Т. В. Гончарова и др. Как бы то ни было, открытие Америки в корне подорвало самостоятельную эволюцию индейского сообщества.

Аборигены не могли ни понять, ни оценить всю опасность того безграничного аморализма, который насаждали колонизаторы. Европейские короли, католическая церковь и жестокие конкистадоры не знали никаких ограничений в действиях против "туземных дикарей", которых вообще не считали полноценными людьми. Исторически развитая и сильная европейская цивилизация в нравственном отношении оказалась более порочной по сравнению с "отсталым" индейским обществом. Особенно пошлым и циничным явилось сознательное оправдание колониального аморализма. Такой диссонанс наблюдается и в наше время в желании сильнейших любой ценой унифицировать весь миропорядок, культуру и мораль в угоду новым "королевским дворам", новой придворной знати и деловой элите.

В ходе колонизации и удушения культуры коренных народов довольно быстро возникла новая моральная ситуация. На архаику традиционного уклада стали наслаиваться европейские федерально-буржуазные формы экономической и политической практики. Одновременно почти силой насаждались католические нормы и требования, единобожие, сакральное преклонение перед метропольными монархами и их полномочными сатрапами. Немалые изменения в психике и темпераменте населения произошли под влиянием метисизации. Происходила качественная смена поколений.

В итоге шаг за шагом формировался устойчивый костяк креольского этноса. Потомки европейских мигрантов, особенно в колониях переселенческого типа, родившиеся на латиноамериканской земле, и особенно от смешанных браков, все больше начинали отличаться от своих родителей и дедов по культуре, языку, характеру, привычкам, профессии и т.д. Постепенно они стали ощущать себя новой "особой расой" - конкретно аргентинцами, мексиканцами, бразильцами. В этих исторических условиях сначала стихийным, а потом и осознанным проявлением активности молодой креольской натуры явились патриотические настроения, стремление к разрыву колониальных пут и обретению государственной самостоятельности. Под прямым влиянием героического примера североамериканских колоний,

идейно-эмоционального порыва Великой Французской революции и благодаря победам Наполеона над Испанией и Португалией в иберийских заокеанских владениях появились общественные силы, вознамерившиеся вступить в открытый бой за свое достойное место под солнцем. Дух свободолюбия и социальных перемен явился главным фактором Войны за независимость. Первоносителями младо-национального креольского патриотизма как огромной мобилизирующей силы выступили великие герои освободительного движения - Тирадентис, Идальго, Боливар, Артигас, Франсиа, Сан-Мартин, Миранда, О'Хиггинс и многие другие. Высокое чувство любви к отчизне, справедливости и свободы овеяло своей энергией всю жизнь латиноамериканских народов в ХГХ в. Эти качества и сегодня определяют их бытие.

Обычно мы оцениваем патриотизм как политическую позицию и идеологию, как конкретную форму индивидуального и массового поведения. При этом нередко забываем, что в своей основе это святое чувство вытекает из универсальных нравственных устремлений к человеческому достоинству, уважению личности и ее свободе, а значит и всего народа. В принципе моральные и политические начала искреннего патриотизма соединены воедино. Это редкий случай их органической гармонии.

Такое мнение противоречит марксистской доктрине. Согласно ее постулатам, каждый класс выражает свое отношение к отечеству через присущие этому классу специфические интересы. Для буржуазии прибыль якобы важнее родины, а сознательный пролетариат отдает предпочтение социалистическому идеалу и интернационализму. В общем, по сути дела дублируется принцип "классовой морали" и выдвигается идея "классового патриотизма". Думается, такой подход ошибочен. Верно другое, а именно, что и мораль, и патриотические чувства и многие другие универсальные психозэмоциональные, ментальные, религиозные, культурные принципы всегда используются людьми, классами и государствами в угоду своим эгоистическим интересам. От этого субъективного искажения общий человеческий смысл ни нравственности, ни патриотизма как естественного и светлого состояния духа нисколько не меняется. Ведь и добро при известной ловкости можно использовать во зло. За ширмой фарисейского псевдопатриотизма легко удастся скрывать самые страшные грехи. Для нормального человека истинный патриотизм как разновидность любви это абсолютное добро, вернее добродетель.

Здесь хотелось бы процитировать слова Симона Боливара, сказанные им 190 лет назад на Национальном конгрессе патриотов Венесуэлы в г. Ангостуре 15 февраля 1819 г.: "... есть чувства, рвущиеся из груди истинного Патриота, - они будоражат и потрясают и проявляются по велению стихии, неподвластной человеческой воле"⁷. Именно о стихийном и неподвластном расчету или социальному статусу чувстве любви к отчизне и своему народу мы сейчас и толкуем. Примерно в те же годы, что и Боливар, великий российский патриот П. Я. Чаадаев в своих "Философических письмах" (1829 - 1830) подчеркивал: "для суждения о народах надо исследовать общий дух, составляющий их сущность, ибо только этот общий дух способен вознести их к более совершенному нравственному состоянию и направить к бесконечному развитию"⁸.

Патриотизм это не только святое чувство, а высокая синергия эмоций, воли и сознания многих людей и даже всей нации. Это большое и конкретное общее дело. Дух народного патриотизма вывел Латинскую Америку на дорогу мирового

сформировали современные нации Латинской Америки. Самой яркой персонификацией этой силы является образ Симона Боливара - Освободителя.

ВТОРАЯ АЛЛЮЗИЯ. "ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕЗАРИЗМ"

Политическая история Латинской Америки в XX в., как и большинства других стран мира, отличалась особым многообразием причудливых комбинаций морально-политического сознания и действия. Различные и во многом противоположные ориентации образовали своего рода гигантский "слоеный пирог", который при любом неосторожном движении "сминался" или распадался на куски, ввергая нацию в хаос и беспорядок. Единственным скрепляющим всю конструкцию "цементом" была власть, плюс патриотизм и религия. В российской империи эта идея с легкой руки графа С. С. Уварова воплотилась в лозунге "православие, самодержавие, народность". Как бы ни относиться к этой формуле, нельзя отрицать ее прагматический реализм и морально-гипнотический импульс к стабилизации жизни.

Применительно к Латинской Америке эту направленность можно выразить иначе - "католицизм, сильная власть, патриотизм". На разных этапах социальные и политические противоречия требовали создания экстремальных усилий по поддержанию общественного порядка, но каждый раз радикалы правого или "левого" толка нарушали стабильность в угоду своим интересам. В итоге параллельно стали развиваться сразу несколько течений в общественном сознании, психологии и поведении масс. Разобраться в переплетении морали, антиморали и имморальности крайне трудно: одно постоянно перетекало в другое. Можно на этот счет привести множество конкретных исторических примеров, но я коснусь лишь одного в высшей степени многозначного сюжета, а именно феномена Симона Боливара. Этот пример можно отнести к классу самых актуальных аллюзий по проблеме "политика - мораль".

Начну с напоминания об общей позиции Боливара о государстве. Наиболее совершенной системой правления, по его словам, является та, которая обеспечивает наивысшее благосостояние, надежнейшую социальную безопасность и наибольшую политическую стабильность⁹. И это абсолютно верно, но как достичь цели, ведь люди еще "не стали столь совершенны, чтобы можно было бы создать Республику Святых"¹⁰.

Анализируя различные формы власти - и монархические, и республиканские - в других странах, Боливар пришел к выводу о необходимости создания своей особой (венесуэльской) системы конституционной власти. Разделение властей, прозрачность правительственной работы, избирательное право для всех граждан и другие принципы он считал абсолютно необходимыми, но все же недостаточными для полной справедливости и общего блага. Для этого, по мнению Боливара, нужно еще "создать Моральную власть, корни которой уходят в глубокую древность и в забытые законы, одно время служившие истоками высокой нравственности среди греков и римлян"¹¹. Идея Моральной власти, по словам Освободителя, "может быть принята за наивную мечту, но она осуществима"¹². К сожалению, этот тезис великого революционера не получил своего развития в связи с нахлынувшими на него непосредственными заботами государственной и военной политики.

Сам Боливар искренне тяготился той огромной властью, которую возложила на него история. "Только настоятельная необходимость вкупе с повелительны-

стр. 20

ми требованиями Народа заставила меня выполнять внушающие страх и опасения обязанности Диктатора, Верховного правителя республики"¹³. Особые военно-политические обстоятельства все же вынудили Боливара прибегнуть к авторитаризму. Но в принципе он всегда был искренним сторонником демократизма и парламентаризма: "...ничто не таит в себе столько опасностей, как длительное пользование властью одним и тем же гражданином. Народ привыкает ему повиноваться, а он привыкает повелевать, что порождает узурпацию и тиранию. Неусыпное бдение справедливо служит гарантией республиканских свобод, и наши граждане будут абсолютно правы, если проявят опасение, как бы Верховный правитель, стоящий у кормила власти долгое время, не взял власть навечно в свои руки"¹⁴. И далее Боливар с иронией замечает: "Ведь может случиться, что на посту президента окажется человек, не обладающий ни большими талантами, ни большими добродетелями"¹⁵.

Не правда ли, весьма многозначительная и актуальная аллюзия. Выходит, однако, что внутренняя тяга к демократизму и практическое всевластие самого Боливара стояли в полном отрицании друг друга. И это действительно так, но в том-то и дело, как показал еще К. Макиавелли, что взаимоотношения между политикой и моралью всегда конфликтны. Даже самые "мягкие" режимы не обходились без насилия, необходимого для спасения нации. Отсюда, по-видимому, следует полностью оправдать многие далеко не гуманные действия Боливара. Сам же он хотел сблизить политику и мораль, мечтая в перспективе создать особые институты третьей, "моральной власти" из двух палат: "по вопросам морали" и "по вопросам общественного образования", которые бы контролировали все действия исполнительной и законодательной власти, а также способствовали нравственному воспитанию граждан¹⁶. Думается, такая схема являлась весьма наивной. Рассчитывать на воспитательную роль какой-то государственной структуры, своего рода "второй церкви" или ареопага мудрецов-моралистов, было нереально. Впрочем, и в наше время сочиняются законопроекты подобного рода. Хорошо уже то, что люди всерьез задумываются о своем нравственном совершенствовании.

При оценке Боливара как исторического деятеля обычно в центр ставится его полководческая деятельность и жесткая власть диктатора. Сам же он выступал категорически против всех попыток доброжелателей и патриотов навязать ему роль латиноамериканского каудильо-монарха. "Я не Наполеон и быть им не хочу, - писал он, - не желаю я подражать и Цезарю, а менее всего - Итурбиде... Титул Освободителя выше всех титулов"¹⁷. И тем не менее многие историки приписывают Боливару именно монархические притязания, абсолютизируют его вынужденные и временные меры авторитарного характера, обвиняя в утверждении взгляда на государство как "необходимого жандарма". Ничего нового в этом отношении Боливар не придумал.

За много веков до него Платон признавал, что правителям нередко приходится, даже вопреки своей воле, "прибегать ко лжи и обману - ради пользы тех, кто им подвластен"¹⁸. Наиболее откровенно разногласия морали и политики проанализировал, как известно, НМакиавелли. В книге "Государь", вышедшей спустя

пять лет после его смерти (1532), великий гуманист, ненавидимый всеми фарисеями и католической церковью, писал, что правитель "ради сохранения государства" обязан "не отклоняться от добра, если это возможно, но уметь вступить на путь зла, если это необходимо". Мудрому правителю необходимо уметь "оградить себя от врагов, заручиться друзь-

стр. 21

ями, побеждать силой и обманом, внушить народу любовь и страх, солдатам - преданность и почтение, истребить тех, кто может или должен тебе вредить, перестраивать по-новому старые учреждения, быть суровым и милостивым, великодушным и щедрым..."¹⁹.

Все эти в общем верные, хотя и далекие от абстрактных моральных принципов, жесткие приемы политического властвования без смущения и колебаний использовались фактически всеми государственными деятелями - монархами, президентами, и тем более военными правителями, не исключая и теократических властителей. Эта традиция сохраняется поныне. Особенно ярким и своеобразным примером служит опыт так называемого "демократического цезаризма" Симона Боливара.

Я вспомнил малоизвестный термин "демократический цезаризм" неслучайно. Сделал так потому, что всерьез полагаю: именно под его знаком будет, скорее всего, складываться развитие России и Латинской Америки в ближайшем будущем. Причиной такого умозаключения является нынешнее положение вещей. В чем же смысл режима "демократического цезаризма"? Когда и где появился сам термин? Кто его автор? Отвечу на эти вопросы, чтобы в дальнейшем не возникало никаких недоразумений.

Насколько мне известно, термин был введен в политическую науку венесуэльским историком Лауреано Валленилья Лансом (Laureano Vallenilla Lanz). Он вывел даже особый "боливарийский закон" о позитивной роли диктатур в Латинской Америке. Я использую термин "демократический цезаризм" только для характеристики стиля управления той власти, которая имеет вполне легитимный характер и формально демократична, но после победы постепенно присваивает себе, опять-таки законно - по решению парламента и в соответствии с Конституцией или чрезвычайными законами - исключительные prerogatives. Демократическим путем избранная верховная власть способна превратиться в диктатуру, военный и даже фашистский режим. Гитлер в январе 1933 г. возглавил германское правительство именно в результате победы национал-социалистической партии на выборах в рейхстаг. Почему так произошло, другой вопрос.

Режим "демократического цезаризма", на мой взгляд, фактически установился в годы "личной власти" Шарля де Голля во Франции, существования "Нового государства" Варгаса в Бразилии, правления Перона в Аргентине и др. Во всех случаях перед нами именно цезаристский тип правления, но не наследственно монархический. Аналогичные примеры мы видим и сегодня в ряде постсоветских государств, особенно в Средней Азии, а также и некоторых субъектах Российской Федерации. Популярность "демократического цезаризма" в принципе будет, вероятно, сохраняться еще долго. Почему? Потому, что демократия на определенном этапе ослабевает, путается в либеральных свободах, ослабляет вожжи управления и сама как бы порождает необходимость (по крайней мере, ощущаемую массами) в "твердой руке" и

единоначалии власти (не обязательно одного человека). Я сказал: "ощущаемую массами", т.е. желаемую ими инстинктивно, как бы в поисках защиты, покровительства, помощи. Отсюда рукой подать до столь же бессознательной веры в разум, силу, своего высшего, а потому всемогущего руководителя способного найти выход из любого положения. При слепой вере в любого "демократического" или недемократического цезаря и рождаются "культы личностей" обожествленных монархов в республиканской упаковке. И тут уже не столь важно, каковы реальные, а

стр. 22

не мнимые, достоинства и добродетели этих избранников судьбы. Кое-кто из них, если вспомнить определение Н. Макиавелли, оказался у кормила власти "по капризу фортуны", а другие - благодаря хитрости и обману.

Главным оружием "демократического цезаризма" являются два фактора - административный ресурс и активное политическое внушение. Так или иначе, можно констатировать что процедура "избрания" демократического цезаря устраивает всех - и "верхи", и "низы", а посему обречена на успех, причем на долгую перспективу. Удастся ли обеспечить надлежащую ротацию победителей, не только персон, но целых кланов, зависит от уровня гражданской зрелости общества. Однако в любом случае фигура "демократического цезаря", как черт из табакерки, возникает вновь и вновь. И все повторяется сначала: демократические выборы - приход к власти легитимного вождя - его превращение в "демократического цезаря" - новые выборы - "старый" или "свежий" вождь - его преображение в реального единоначальника (абсолютного, частичного, действительно умного или глупого - безразлично). Нередко надолго утверждается "партийный цезаризм", т.е. долговременный политический и идеологический диктат одной партии. Вожди могут меняться, но суть режима остается прежней. Так было, например, в СССР, в Мексике при 60-летней власти Институционно-революционной партии и в других случаях. Эта тема чрезвычайно актуальна для России, но об этом в другой раз.

Я скажу лишь еще об одном, самом главном обстоятельстве. "Демократический цезаризм" стоит над народом, но является его собственным порождением. В том и состоит особое преимущество цезаря, избранного на выборах или путем плебисцита. Сейчас речь идет не о возможных подтасовках и ложных подсчетах голосов, а о том, что формально власть легитимизирована самим народом. "Вина" лежит на нем, т.е. на народе. Такое происхождение власти естественным образом узаконивает и все действия "демократического цезаря", как бы хороши или плохи они ни были: цезарь безгрешен, ибо "народ не ошибается". Можно сказать, вспоминая начальные строки Ветхого Завета, что "демократический цезаризм" творится "из ребра" народа подобно Еве. Такова природа и суть феномена "демократического цезаризма", в котором прилагательное лишь прикрывает авторитарный характер существительного. Цезарь в "демократическом" плаще есть тот же цезарь, но в гламурной упаковке. Только и всего. Таким образом, "демократический цезаризм" и "народный патриотизм" нередко оказываются в одной исторической упряжке.

Вторая аллюзия, на мой взгляд, помогает нам, во-первых, увидеть некоторую дисгармонию моральных и политических черт классического и современного боливаризма²¹, а, во-вторых, лучше понять универсальные характеристики государственного Левиафана как "необходимого жандарма" в наведении порядка и недопущении "войны всех против всех" в исключительных условиях кризиса. И, наконец,

в третьих, распознать ныне существующие в разных странах формы "демократического цезаризма".

Взятые в совокупности рассмотренные аллюзии позволяют понять пользу морального измерения истории. Такой подход проясняет глубинное противоречие морали и политики, вскрывает ряд скрытых от политологического и исто-

стр. 23

рико-описательного взгляда пружин истории, побуждает искать пути возвышения духовных, этических, культурных, психологических мотивов бытия. Сегодняшний мир и современная Латинская Америка имеют свои новые качественные характеристики. Иными выглядят экономические, технико-производственные, научные, социальные, культурные и все другие критерии уровня и качества жизни народов. Однако чем дальше развивается глобализация и усложняется международная жизнь, чем больше вызовов "дарит" история человечеству, тем важнее и значительнее становится роль морали и творческого духа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К. М а р к с , Ф. Э н г е л ь с . Полн. собр. соч., т. 4. М., 1984, с. 301 - 305.

² Ф. Н и ц ш е . Собрание сочинений в двух томах, том 1. М., 1990, с. 739.

³ Из общих работ я бы выделил солидный труд О. Г. Дробницкого "Понятие морали. Историко-критический очерк" (М., 1974). Специальных исследований по проблемам морали в Латинской Америке у нас нет. Тем не менее, многие авторы в той или иной степени касались этой темы в исторических исследованиях по самым различным сюжетам: В. М. Мирошевский, А. Ф. Шульговский, В. А. Кузьмищев, И. Р. Григулевич, М. С. Альперович, Н. М. Лавров, Я. Г. Шемякин, Ю. А. Зубрицкий, Н. С. Константинова, Ю. Н. Гирич, В. Б. Земсков, Б. Н. Комиссаров и др. Ввиду формата статьи я вынужден практически отказаться от цитирования.

⁴ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с . Указ. соч., т. 16, с. 434.

⁵ Там же, т. 20, с. 95 - 96.

⁶ В. И. Л е н и н . Поли. собр. соч., т. 41. М., 1966, с. 309.

⁷ С. Б о л и в а р . Избранные произведения (речи, статьи, письма, воззвания). М., 1983, с. 81.

⁸ П. Я. Ч а а д а е в . Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991, с. 329.

⁹ С. Б о л и в а р . Указ. соч., с. 84.

¹⁰ Там же, с. 83.

¹¹ Там же, с. 78.

¹² Там же, с. 93.

¹³ Там же, с. 77.

¹⁴ Там же, с. 78.

¹⁵ Там же, с. 89.

¹⁶ См. блестящую статью А. Ф. Шульговского "О социальных и политических идеалах Симона Боливара" в книге "Боливар С. Избранные произведения". К сожалению, о моральной стороне мировоззрения Боливара А. Ф. Шульговский сказал вскользь.

¹⁷ Там же, с. 213. Августин де Итурбиде - мексиканский полковник, активно участвовал в подавлении патриотов в 1810 - 1826 гг., с 1821 г. установил свою диктатуру, в 1822 г. провозгласил себя императором под именем Августина I, а через год отрекся от престола и бежал в Европу.

¹⁸ Платон. Собрание сочинений в четырех томах, т. 3. М., 1994, с. 234 - 235.

¹⁹ Н. М а к и а в е л л и . Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Ростов-на-Дону, 1998, с. 110.

²⁰ L.V a l l e n i l a L a n z . Cesarismo democratico. Estudio sobre las bases sociológicas de la constitución de Venezuela. Caracas, 1952.

²¹ Глубокий анализ идеологии и политики так называемого "боливариийского социализма" дал Э. С. Дабагян. - Э. С. Д а б а г я н . Уго Чавес. Политический портрет. М., 2005; е г о ж е . Венесуэла: основные вехи политического развития в XX веке. - Новая и новейшая история. М., 2008, N 5.

стр. 24

постоянный адрес статьи: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/19735191>